

ТОРГОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА
С КЕНИГСБЕРГОМ И ДРУГИМИ ПРУССКИМИ ГОРОДАМИ В XIV–XV ВЕКАХ,
В СВЕТЕ НОВГОРОДСКИХ ГРАМОТ НА БЕРЕСТЕ

XIV и XV век это время значительного развития торговых и культурных отношений Великого Новгорода с Кенигсбергом и другими прусскими городами. Развития, начала которого надо искать несколько раньше – в середине XIII столетия, когда окончательно оформились торговые связи Новгородской республики с Западной и Центральной Европой. Как отмечает Наталья Казакова в монографии посвященной русско-ливонским и русско-ганзейским взаимоотношениям в периоде Позднего Средневековья, города с территории Ливонского ордена играли в них жизненно важную роль, потому что: „через территорию Ливонии проходили пути русско-ганзейской торговли, а ливонские города являлись членами Ганзы”¹. Кенигсберг, расположенный в прусской части Орденского государства, не находился в это время непосредственно на главном пути новгородской торговли, тем не менее имел он для неё немалое значение – как член Ганзейского союза и как место пребывания орденских торговых приказчиков².

Великий Новгород был в период Позднего Средневековья одним из крупнейших центров международной торговли в Северо-Восточной Европе и безусловно важнейшим торговым городом Руси. К сожалению мы не можем точно ответить на вопрос, когда он окончательно присоединился к Ганзе, принимая во внимание свободный характер этого союза. Зато знаем, что первые попытки готландских и немецких купцов установить торговые отношения с Новгородской республикой стали появляться уже в XII в. В 1189 г. заключен был старейший, известный исследователям, торговый договор Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами, в последствии которого над Волховом появились Готский и Немецкий дворы³.

На протяжении XIII столетия сотрудничество Новгорода с западными купцами постепенно расширялось и крепло. Свидетельствует об этом составление в середине этого века первой редакции т.н. *Скфы* - устава немецкого двора, нормирующего его экономическое положение и характер торговли⁴. Этим периодом датируется тоже грамота, которую принято считать документом первого новгородско-ганзейского договора, заключенного в 1259 г.⁵

Настоящий расцвет торговых отношений Новгородской республики с Ганзейским союзом наступил в течение двух последних столетий Средневековья. Известно, что

¹ Н. А. Казакова, *Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в.*, Ленинград 1975, с. 3.

² А. Л. Хорошкевич, *Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках*, Москва 1963, с. 210.

³ P. Dollinger, *Dzieje Hanzy. XII – XVII w.*, Warszawa 1997, с. 37.

⁴ А. Л. Хорошкевич, *op. cit.*, с. 34.

⁵ *Ibidem*, с. 31.

в начале 1337 г. в Немецком дворе в Новгороде пребывало даже сто шестьдесят ганзейских купцов⁶. Оживлённые были также дипломатические контакты городских властей с представителями союза. До наших дней сохранилось семь договорных грамот Новгорода с Ганзой за XIV, и восемь за XV в. Среди них важнейшим является договор 1392 г.⁷ (который в русской историографии получил название *Нибуров мир*), потому что разрешая длительные русско-ганзейские споры, он на долгое время определил характер внешней торговли Новгорода и служил основой при рассуживании конфликтов между местными и немецкими купцами⁸.

XV столетие это также период попыток официального определения торговых отношений Новгородской республики с её вторым главным партнёром – Тевтонским (Ливонским) орденом. Вопрос обеспечения личной и имущественной безопасности ливонских купцов в Новгороде и новгородских – в Ливонии занимает значительное место в мирных договорах 1421 и 1448 г., заключенных между этими государствами⁹.

Концом зарубежной торговли Великого Новгорода является год 1494, в котором великий князь московский, Иван III приказал сослать около пятидесяти немецких купцов в Москву и навсегда ликвидировать Немецкий двор¹⁰.

А какую роль играл Кенигсберг в позднесредневековой торговле Ганзы и Тевтонского ордена с Новгородом? Можно полагать, что был он в это время в значительной мере торговым городом, принимая во внимание его юридический статус местности, состоящей из трёх отдельных частей – орденской, церковной и купеческой¹¹. Но здесь стоило бы подчеркнуть двойственный характер отношений Кенигсберга с Ганзейским союзом. С одной стороны в XIV и XV в. участвовал он в балтийской торговле в виде самостоятельного члена Ганзы, с другой – находясь под властью великого магистра Тевтонского ордена – феодального повелителя и вместе с тем члена Ганзейского союза¹², стал местом пребывания орденских торговых приказчиков. И кажется, что именно их присутствие в Кенигсберге позволяет считать этот город очень важным центром орденского хозяйства и торговли. В свете немецких источников, в государстве Тевтонского ордена уже в конце XIII в. функционировала особая торговая администрация, высочайшим уровнем которой были т.н. *Grosschäfferei*, находящиеся в Мариенбурге и – что особенно интересно с точки зрения темы этой лекции – в Кенигсберге¹³.

Интересно, что до сих пор при исследовании вопросов тевтонско-новгородских взаимоотношений, принято было пользоваться прежде всего источниками немецкого происхождения. На Западе почти никто не помнит, что до наших дней сохранилось огромное количество новгородских берестяных грамот, которые надо считать настоящим сокровищем для историка, занимающегося вопросом зарубежной торговли Великого Новгорода в XIV и XV в. Оказалось, что можно в них найти интересные сведения о его связях с Кенигсбергом и другими городами Пруссии.

⁶ P. Dollinger, *op. cit.*, с. 59.

⁷ *Ibidem*, с. 78.

⁸ *Ганза и Новгород*, <http://www.adm.nov.ru/web/hanse.nsf> [доступ: 31 X 2009].

⁹ А. А. Хорошкевич, *op. cit.*, с. 34.

¹⁰ P. Dollinger, *op. cit.*, с. 169, 280.

¹¹ *Ibidem*, с. 43.

¹² *Ibidem*, с. 89, 119.

¹³ *Ibidem*, с. 157.

Среди всех новгородских грамот на бересте, наше особое внимание привлекает одна, обозначенная номером 125, открытая во время раскопок 1954 г.¹⁴ Текст этого письма, относящегося к рубежу XIV и XV в., гласит: „Поклонъ от Марине къ с[ы]ну моему Григорью. Купи ми **зендяницю** добру. А куны язъ дала Двду Прибыше. И ты, чадо, издеи при собе, да привези семо”¹⁵.

С точки зрения темы этой лекции интерес вызывает слово **зендяницю**, потому что напоминает название одного из видов ткани, встречаемого в документах орденских торговых приказчиков в Кенигсберге, т. е. **zendeling**¹⁶. Некоторые исследователи полагают, что термин **зендень** обозначает хлопчатобумажную ткань, которую привозили в Новгород бухарские купцы¹⁷. Здесь переходила она в руки орденских торговцев, которые – в свою очередь – отправляли её дальше, в Кенигсберг.

В этом месте стоит подчеркнуть, что вопрос „зендени” в свете новгородских и немецких источников, является частью попыток Тевтонского ордена экспортировать из Новгорода на запад разные ткани восточного происхождения¹⁸. Среди них встречаем, конечно, и хлопчатобумажную (почти всех цветов: зелёную, дымчатую, красную, вишневую, малиновую, червленую, червчатую, лазоревую, белую, синнюю, желтую, чёрную)¹⁹, и шёлковую, и другие. Например в 1400 г., в складе торговых приказчиков в Кенигсберге находилось 8 кусков шёлковой камки (*seydenne kammechyn*), 1 кусок атласа, 3 куса тафты и 2 куса зендени. Известно, что изредка появлялся здесь также бархат²⁰.

Сейчас возникает вопрос: были ли торговые связи Новгородской республики с Орденским государством только односторонними, или нет? Какую роль играло в них новгородское купечество – лишь поставщика восточной ткани или полностью равноправного партнёра, в том числе – потребителя немецких товаров?

Ответ на поставленный вопрос можно найти в берестяных грамотах. Некоторые из них действительно упоминают о разных товарах немецкого происхождения, находящихся в Новгороде. Например в грамоте № 500, датирующей первой половиной XIV в. и содержащей опись имущества анонимного купца, читаем о немецкой шубе²¹. В другом источнике (грамота № 282), с конца этого столетия, можно зато найти следующие слова: „... исполни. [А соли] не покупай: я купил **немецкую** соль. Доставил бы ты ее сюда”²². Упоминание немецкой соли в этой грамоте нельзя считать случайным, потому что большинство исследователей новгородской зарубежной торговли подтверждает тезис о том, что была она в это время одним из главных импортируемых товаров на Русь²³.

Интересно, что новгородские грамоты на бересте кроме информации о определённых товарах, импортированных из Орденского государства, а также о видах тканей, экспортированных новгородскими торговцами на Запад, содержат ценные сведения об отношениях орденских и ганзейских купцов с жителями Новгорода. Эти *немцы* (так

¹⁴ А. В. Арциховский, *Раскопки 1954 года в Новгороде*, „Вопросы истории”, № 2 (1955), с. 63.

¹⁵ *Loc. cit.*

¹⁶ А. Л. Хорошкевич, *op. cit.*, с. 210.

¹⁷ А. В. Арциховский, *op. cit.*, с. 63.

¹⁸ А. Л. Хорошкевич, *op. cit.*, с. 210.

¹⁹ А. В. Арциховский, *op. cit.*, с. 63.

²⁰ А. Л. Хорошкевич, *op. cit.*, с. 210.

²¹ <http://gramoty.ru/index.php?no=500&act=full&key=bb>.

²² <http://gramoty.ru/index.php?no=282&act=full&key=bb>.

²³ А. Л. Хорошкевич, *op. cit.*, с. 230.

обыкновенно называют торговых приказчиков Ордена или Ганзы в берестяных грамотах) являются в свете русских источников полноправными членами новгородского, позднесредневекового общества, людьми, с которыми жителей республики соединяло много деловых и личных связей. Подтверждение вышеуказанного тезиса можно найти хотя бы в содержании грамоты № 25. Это небольшой фрагмент указаний в связи с предстоящим судом по поводу краденого коня, датируемый началом XV в. Текст этого источника гласит: „... свидетельское показание („ухо”), [обращенное] к тебе с Василием Желудковым, то ты дай показания на суде. А на меня ссылайся в том, что ты опознал коня у **немца** и дал за меня свидетельское показание, а **немец** от себя обвинение отвел, а обвинил Вигуя...”²⁴.

А как представляется вопрос культурных отношений Великого Новгорода с прусскими городами в свете грамот на бересте? Прежде всего надо подчеркнуть, что влияния в сфере широко понятой культуры труднее поддаются изучению, чем торговые отношения. Следовательно в новгородских грамотах очень трудно найти непосредственные сведения о том, что пребывающие в Новгороде орденские и ганзейские торговые приказчики оказывали влияние на характер его городской культуры, ярко отличающейся от остальных районов Руси. Тем не менее существуют грамоты, свидетельствующие о постепенной адаптации некоторых элементов латинской культуры в Новгороде. Следует здесь обратить внимание на обозначенную номером 488, содержащую литургические записи на латинском языке²⁵. При этом надо однако помнить, что грамоты такого типа встречаются в Новгороде очень редко.

Подытоживая всё вышесказанное, предлагаю считать новгородские грамоты на бересте источниками важными для полного изучения темы торговых и культурных отношений Великого Новгорода с Кенигсбергом и другими прусскими городами в XIV–XV веках. Некоторые из них содержат так как интересные сведения о товарах, импортированных из Орденского государства, а также о тех, которые новгородские торговцы экспортировали на Запад. Эта информация является ещё более любопытной, если мы сравним её с тезисами, преобладающими в научной литературе и опирающимися в главной мере на источники немецкого происхождения. Такое сравнение позволяет прийти к выводу, что данные новгородских грамот и орденских документов подтверждают и дополняют друг друга.

Кроме вышесказанного, новгородские берестяные грамоты содержат также другие, вызывающие интерес историков, элементы – в том числе подробное описание повседневной жизни немцев в Новгороде и их взаимоотношений с жителями этого города и встречаемые время от времени признаки проникновения на Русь латинской культуры.

Стоит ещё подчеркнуть, что пользуясь грамотами на бересте в качестве источников новгородско-орденских взаимоотношений, надо быть осторожным. Прежде всего по причине неточности географических и этнических названий, встречаемых в их текстах. Ни в одной, известной исследователям, новгородской берестяной грамоте не упоминается именно Кенигсберг. Очень трудно найти такие географические названия, как: Пруссия, Ливонский или Тевтонский орден. Можно полагать, что торговых приказчиков Ордена и ганзейских купцов определяет в новгородских грамотах лишь один, общий термин – *немцы*. И это не всё – в некоторых из них такое название

²⁴ <http://gramoty.ru/index.php?no=25&act=full&key=bb>.

²⁵ <http://gramoty.ru/index.php?no=488&act=full&key=bb>.

относится к шведам (например в грамоте № 248, в которой идёт речь о немецкой (т. е. шведской) половине Карелии)²⁶.

В конце этой статьи надо ещё упомянуть, что неопенимой помощью при исследовании темы торговых и культурных отношений Великого Новгорода с Кенигсбергом и другими прусскими городами в XIV–XV веках, в свете новгородских грамот на бересте, был для меня сайт *ДРЕВНЕРУССКИЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ. РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ*, разработанный в рамках проекта *Birchbark Literacy from Medieval Rus: Contents and Contexts*²⁷.

Zofia Brzozowska

STOSUNKI HANDLOWE I KULTURALNE NOWOGRODU WIELKIEGO Z KRÓLEWCEM I INNYMI MIASTAMI PRUS W XIV–XV W. W ŚWIETLE GRAMOT NOWOGRODZKICH

Wiekі XIV i XV to okres prawdziwego rozkwitu stosunków handlowych i kulturalnych Nowogrodu Wielkiego z Królewcem i innymi miastami na terytorium Prus, będącego konsekwencją uformowania się już pod koniec XIII stulecia trwałych związków republiki św. Zofii z centralną i zachodnią Europą. W literaturze przedmiotu można się spotkać z opinią, iż miasta znajdujące się na obszarze Państwa Zakonu Krzyżackiego zajmowały – tak ze względu na swe położenie, jak i przynależność do Hanzy – ważne miejsce w handlu Nowogrodu Wielkiego. Również Królewiec, nie znajdujący się w tym okresie na głównym szlaku handlowym, odgrywał w nim niebagatelną rolę. Z jednej strony był – podobnie jak Nowogród – miastem hanzeatyckim, z drugiej – znajdując się pod władaniem Wielkiego Mistrza Zakonu Krzyżackiego (także utrzymującego kontakty z Hanzą) mógł pełnić funkcję ośrodka handlowego i siedziby jednego z tzw. *Grosschäfferei* – organu administracyjnego odpowiedzialnego za handel.

W badaniach nad relacjami nowogrodzko-pruskimi wykorzystuje się zazwyczaj źródła proveniencji niemieckiej, zapominając jednocześnie, że do naszych czasów zachowała się ogromna liczba ruskich грамот, spisanych na korze brzozej, zawierających wiele informacji, cennych zwłaszcza dla historyka zajmującego się zagadnieniem stosunków handlowych i kulturalnych Nowogrodu Wielkiego z Zachodem w XIV–XV w. Można w nich również odnaleźć ślady kontaktów republiki św. Zofii z Królewcem. Dla przykładu w tekście грамоты nr 125, odnalezionej podczas wykopalisk z 1954 r., znajduje się termin *zendelъ* do złudzenia przypominający występujące w dokumentach urzędników z Królewca, słowo *zendeling*. Znaczący przedmiot są w zasadzie zgodni co do tego, że pod określeniem tym należy rozumieć pewien gatunek materiału bawelnianego, przywożonego do Nowogrodu z Buchary i następnie eksportowanego do Prus. Co więcej, грамоты nowogrodzkie wspominają również o niemieckich towarach, znajdujących się w Nowogrodzie Wielkim: „niemieckiej szubie” (nr 500), „niemieckiej soli” (nr 282). Zawierają także informacje o codziennych kontaktach mieszkańców republiki nowogrodzkiej z przebywającymi na jej terytorium „Niemcami” (wspólny termin, występujący w грамотach na oznaczenie kupców hanzeatyckich, przedstawicieli Państwa Zakonu Krzyżackiego, a nawet Szwedów), np. nr 25. Najciekawsze z nich wydają się jednak te, które mogą stanowić dowód częściowego przenikania do kultury Rusi Nowogrodzkiej elementów cywilizacji zachodniej, jak np. грамота nr 488, zawierająca fragmenty liturgii obrządku rzymskokatolickiego, spisane – rzecz jasna – po łacinie.

²⁶ <http://gramoty.ru/index.php?no=248&act=full&key=bb>.

²⁷ <http://gramoty.ru>.

